

Слова Звёздного Владыки подобно огромному валуну, брошенному в спокойную гладь озера, подняли в душе Линь Шу нешуточную бурю. Фраза Дулин-цзюня о том, что он напоминает ему того, кем он сам когда-то мечтал стать, но так и не смог, эхом отдавалась в голове, окрашивая все прошлые обиды в сложные, невыразимые тона.

Пока он пребывал в оцепенении, пытаясь переварить эту ошеломляющую правду, Звёздный Владыка, словно что-то вспомнив, погладил свою длинную бороду и снова посмотрел на Линь Шу — на сей раз с еще более глубоким интересом.

— Раз уж речь зашла о делах давно минувших дней... Старик вдруг припомнил одну историю. Кажется, это было очень давно, когда вы, принц Линь Шу... ну, были еще совсем юны и озорны. — В голосе Владыки слышались нотки ностальгической улыбки, но в них таился и глубокий смысл.

Линь Шу замер. Юн и озорён? Он натворил немало бед, которые чаще всего улаживали отец с матерью или же он сам спускал на тормозах, выкручиваясь как мог. Что же такого он сделал, раз Звёздный Владыка решил вспомнить об этом сейчас?

Владыка медленно продолжил:

— Деталей я уже не припомню, но смутно помню, что вы, принц, где-то... проиграли в азартной игре нечто невероятно ценное? Или же задолжали огромную сумму, обремененную силой законов? В общем, тогда дело дошло до того, что кредиторы едва не пожаловались самому Владыке Демонов, а вы, принц, казалось, были... в полном отчаянии и не знали, что делать.

Воспоминание, которое, казалось, было стерто из памяти, словно затонувший корабль, внезапно всплыло со дна океана души Линь Шу!

Точно! Было такое! В ту пору он, молодой и горячий, пользуясь статусом наследника демонов, ни в чем себе не отказывал. В одной из игр в серой зоне на окраине трех миров он попался на чужую уловку и проиграл древний артефакт, служивший символом верности демонического клана. Ладно бы дело было только в его баснословной цене, но ведь он был делом чести всего демонического рода! Если бы отец узнал, с него бы живого не слезли. Он ломал голову, как в срок раздобыть равноценную замену, чтобы выкупить вещь обратно, метался, как ужаленный, но гордость не позволяла просить помощи у родителей.

В те дни он ходил как пришибленный, и даже тайные вылазки в Небесную обитель не приносили облегчения, мысли были заняты лишь одним.

— Позже... — Владыка бросил едва уловимый взгляд на Дулин-цзюня, который тихо слушал их, по-прежнему глядя на мир отрешенным взглядом. — Неизвестно как, но тот долг был погашен без лишнего шума. Кредиторы хранили молчание, а вы, принц, остались невредимы. Я тогда не стал допытываться, решив, что это дело рук Владыки Демонов. И лишь спустя долгое время, случайно разбирая старые архивы, я обнаружил...

Владыка сделал паузу и понизил голос, с тяжестью человека, раскрывающего тайну:

— Тот долг погасил тогдашний Дулин-цзюнь. Он использовал накопленное за долгие годы звездное первородное золото, предназначенное для закалки его собственного божественного артефакта, и тайно обменял его, чтобы... закрыть ваш долг.

— Звездное первородное золото... — пробормотал Линь Шу. Он знал, что это такое. Для любого небожителя, а особенно для Дулин-цзюня, чья божественная сила в то время была еще слаба и который отчаянно нуждался в укреплении своей сути, это было величайшим сокровищем! Это был фундамент божественности, основа основ! И он... использовал это, чтобы спасти его?

— Всё было сделано в строжайшей тайне, — вздохнул Владыка. — Его Величество никогда никому об этом не говорил, возможно, даже он сам за долгие годы, проведенные в холодных чертогах власти, успел забыть об этой мелочи. Но следы в счетах и задержка в закалке его артефакта в тот период — неоспоримые доказательства.

Линь Шу застыл, словно кровь в его жилах превратилась в лед.

Он вспомнил, что Дулин-цзюнь был тогда лишь неприметным, даже слегка болезненным младшим божеством, и добыть звездное золото для него наверняка стоило невероятных усилий. А он... тот использовал столь драгоценный дар, чтобы залатать дыру, пробитую его собственной глупостью?

Почему?

Только из-за того, что «завидовал» ему?

Или же... еще тогда, в те юные годы, когда даже сам Дулин-цзюнь не осознавал своих чувств, в его внимании уже было нечто... нечто глубокое, заставляющее его жертвовать собой ради его спасения?

Линь Шу резко повернулся к Дулин-цзюню, который сидел у окна, выглядя немного сонным из-за того, что не понимал сути их разговора. Солнечный свет падал на его бледное лицо, длинные серебристые ресницы отбрасывали легкую тень, и он казался таким хрупким, что его можно было сломать одним движением.

Ненависть, подобно снегу под палящим солнцем, таяла с небывалой скоростью.

На смену ей пришло всепоглощающее чувство, в котором смешались бесконечная горечь, вина и запоздалое, оглушительное прозрение.

Оказалось, что в те времена, когда он был лишь безрассудным маленьким демоном, этот человек, которого он позже так страстно любил, ненавидел и которому мстил, уже тогда тайком, столь неуклюжим и тяжелым способом оберегал его.

А все то, что он творил потом — эти интриги, эти испытания, эта холодная жестокость... сколько в них было скрытого, даже для самого Дулин-цзюня, извращенного беспокойства и... чувств, в которых он, возможно, так и не признался самому себе?

Линь Шу подошел к Дулин-цзюню, присел перед ним на корточки и поравнялся с ним взглядом.

Дулин-цзюнь вздрогнул от его внезапного приближения, поднял глаза и с недоумением посмотрел на него. В его чистых серебристых глазах отразилось сложное, невозможное для описания выражение лица Линь Шу.

— Господин... — голос Линь Шу сильно охрип, в нем послышался едва уловимый всхлип. — Вы... помните звездное первородное золото?

Дулин-цзюнь озадаченно моргнул, пытаясь вспомнить, но в конце концов покачал головой и честно ответил:

— Не помню. — Он помолчал, глядя на покрасневшие глаза Линь Шу, и по своей привычке, с ноткой неуклюжего утешения, тихо спросил: — Это... что-то очень важное? Я... потерял его?

Глядя на то, как он, ничего не зная, инстинктивно беспокоится, не «потерял ли он что-то важное», Линь Шу почувствовал, как его сердце разрывается на части.

Он протянул руку и осторожно сжал холодную ладонь Дулин-цзюня, лежащую на коленях.

— Нет, вы не потеряли, — Линь Шу опустил голову, прижавшись лбом к их сцепленным рукам. Его голос звучал глухо, но в нем прозвучала невиданная доселе твердость: — Это я... потерял нечто гораздо более важное.

Он поднял голову и, глядя в растерянные глаза Дулин-цзюня, произнес слово за словом, словно давая клятву:

— Но ничего. Я верну это. Обязательно верну.

<http://bllate.org/book/23397/2518607>